

Теоретическое обоснование потокового пространства регионов

И. Р. АМИНОВ

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, 450076, ул. Заки Валиди, 32.

Email: aminov76@mail.ru

Современная политическая наука уделяет пристальное научное внимание этнополитическим конфликтам и способам их разрешения и урегулирования. В основе любого регионального конфликта лежат факторы, обусловленные материальными экономическими, политическими, социальными причинами неравномерного распределения доли общественных благ между социальными группами региона. Применение модели потоковой коммуникации, как проекции на виртуальное пространство, ограниченного локацией региона позволяет как проводить глубокий анализ ситуации, так и управлять развитием конфликт-консенсусной ситуацией в регионе.

Ключевые слова: потоковое пространство, потоковая коммуникация, виртуальное пространство, этнополитический конфликт, регион.

Данная статья посвящена теоретическому обоснованию метода. Политологические исследования, проводимые нами в ряде регионов России, методологически основаны на кластерно-сетевом анализе регионального потокового пространства.

Причиной конфликтных ситуаций в тот период стало ослабление федеральных связей государства накопившиеся проблемы межэтнических отношений в различных регионах. К причине возникновения этнополитических конфликтов, следует отнести стремление групп региональных элит к институализации в формирующихся государственных образованиях как естественных государствах, закрытого порядка в терминологии Д. Норт [6]. Стремящиеся у формированию собственной государственности группы элит использовали этнический фактор как наиболее эффективный фактор мобилизации населения против «внешнего врага» которым назывались представители иного этноса, проживающие на данной территории.

В ряде случаев, как отмечала Л. М. Дробижева, в основе «межэтнической напряженности» лежат процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов России. Вследствие чего нарастала конкуренция между титульными национальностями и русскими» [4]. Несмотря на то, что действительно имело межэтническая напряженность между указанными группами, мы не можем полностью согласиться с мнением авторитетного эксперта. Прямой конкуренции между этими группами как раз не было. Во – первых национальная политика СССР требовала строгого соблюдения квот

для представителей «титულიной» нации назначении на руководящие должности, а во – вторых «русские», а точнее русскоязычные специалисты из центральных и западных регионов СССР среди которых были представители самых различных национальностей, работали в производственной, технической сфере, по большей части в городах. Тогда как этническая элита занимала руководящие посты в не-производственной, гуманитарной сфере и была представлена выходцами из сельской местности. В некотором роде этнополитические региональные конфликты несли черты «столкновения цивилизаций» в терминологии С. Хантингтона, и несли черты последствия урбанизации, смены ценности и роста новых потребностей масс сельского населения [7]. В целом причины этнополитических конфликтов могут быть самые различные.

Для разрешения конфликта, необходимо провести объективный анализ и выявить наиболее существенные из них на которые можно оказать наиболее эффективное влияние. При традиционной форме понимания конфликтной ситуации в регионе как линейного разновекторного противодействия двух и более сил достичь невозможно. Так известный ученый и общественный деятель Я. Я. Этингер в своей классификации называет девять групп причин лежащих в основе этнополитических конфликтов в России в 1991–1993 гг. и при этом не выявляет существенные факторы, значение которых стало ясным только спустя некоторое время [8]. Более совершенным, чем структурно-функциональный подход нам представляется трансформационный подход который разобран нами в более ранних статьях, позволяющий в динамике проследить политические процессы регионального конфликта [1].

Мы используем концепцию потокового пространства как проекцию реального акторно-сетевого взаимодействия включающего в себя реальных и виртуальных акторов, в том числе и образы вещей, материальных объектов, так или иначе задействованных в процессе взаимодействия. В рамках модели потокового пространства мы локализуем пространство по территориальному признаку. В потоковом пространстве мы учитываем акторно-сетевые взаимодействия отдельных личностей и сообществ как находящихся непосредственно в регионе, так влияющих на коммуникационные потоки извне (лоббирующие интересы региональных элит сообщества в федеральных органах власти, землячества и диаспоры, а также акторы, представляющие внешние факторы влияния и создающие коммуникационные связи.

Поскольку концепция потокового сообщества не получила большого распространения в России, остановимся на дефиниции понятий «потоковое сообщество» и «потоковое пространство».

Наше понимание понятия «потоковое пространство» продолжает и развивает идею М. Г. Бреслера о теоретических конструктах (моделей) отражения сетевого взаимодействия акторов на 1-n-мерное пространство от узла коммуникации до потока. Потоковое сообщество, как писал М. Г. Бреслер: «пятимерная проекция сети» [2]. Абстрактная

проекция на виртуальное пространство данного сообщества включает в себя не только форму – структуру коммуникационных связей между узлами, но и частично содержание информационного продукта включающая образы материальных вещей – акторов данной коммуникации, а также информационные продукты – образы идей, материализующихся в символах и кодах. Последнее крайне важно для усиления /ослабления динамики информационного обмена в потоковом сообществе. Таким образом, потоковое сообщество включает в себя все, что по мнению Б. Лотура «собирается» (assembled) под сенью общества», всех взаимосвязей между «людьми» и «вещами», что собирает их в «ассоциацию», помогает выделить общие вектора движения и выявления тенденций развития общества[5]. Понимание потового сообщества именно как абстрактной модели позволяет преодолеть всеобщий, холический характер концепции Брюно Лотура. Потокое сообщество отграничено объектом исследования, поэтому исследуя пространство региона, мы применяем термин «потокое пространство».

Потокое пространство региона – модель проекции на виртуальное пространство акторов и сетевых коммуникационных связей оказывающих влияние на политические процессы в данном локальном обществе, трансформирующих конфликт – консенсусную ситуацию региона.

Работами упомянутого выше Б. Лотура создана абстрактная модель топологической социологии, где материальные объекты полноценные акторы социальных отношений. Причем объекты рассматриваются как гомеоморфные друг другу вследствие включенности в общее пространство и взаимосвязанности между ними. Российский исследователь В. С. Вахштейн, рассматривая пространство «Города» вводит материализованную «идею», как актора сетевой коммуникации [3]. Отталкиваясь от «коммуникационного кода» в терминологии Соссюра автор проводит аналогию между кодами- символами языка и символическим (метафорическим) представлением материальных объектов обнаруживая при этом их гомеоморфное сходство, то есть возможность преобразования пространства объекта без потери возможности обратного преобразования. «В социальной топологии априорное различие между двумя множествами элементов X (город) и Y (язык) окончательно устраняется. Единственное, что имеет значение – это конститутивная сила элемента, его способность собирать» другие объекты». Поддерживая в целом концепцию топологической социологии, мы в то же время не можем полностью согласиться с В. Вахштейном в области значения конституативного ядра объектов для понимания границ пространства. Рассматривая пространство как место локализации акторов в их сетевом взаимодействии, Автор в то же время находится в рамках ризомной парадигмы. Представляя сеть лишь как некое бесконечное дегенерализованное и децентрализованное взаимодействие акторов. Но, как уже указывалось выше, мы считаем сеть множеством сетевых сообществ, взаимопроникающих и взаимосвязанных друг с другом. Следовательно, каждый обозначаемый в ин-

формационном поле актор, пребывая в сетевом сообществе, а priori обладает конститутивной способностью к «сборке» объектов. При этом мы подразумеваем не сам объект, а его нематериальный симулякр, в терминологии Ж. Бодрийяра, как осознанный образ образа материального объекта. При этом симулякры объектов встроены в коммуникационные коды сообществ, которые в совокупности и составляют пространство «город» или соответственно объекту нашего исследования – «регион».

Концептуальный подход к региону как потоковому пространству позволяет использовать современные инструменты изучения региона и воздействия, что выводит вопросы управления на совершенно иной уровень. Когда мы все факторы рассматриваем в совокупности с точки зрения соответствия деятельности – способствовать долговременному стабильному и эффективному развитию региона, улучшению качества жизни регионального общества, как основу процветания всего государства.

Классический анализ основан на роли большинства и лишь косвенно может определить активность, но не нагрузку узлов той или иной группы. Оценив мнение ad hoc той или иной группы населения, мы не можем точно сказать, насколько это мнение изменит политические или социальные процессы в обществе в целом. Однако при анализе структуры коммуникационных связей потокового сообщества в целом возможно на раннем этапе выявить потенциальный парк «Гези» и адаптировать решения муниципальных властей до того как это решение не привело к дестабилизации региона или страны в целом.

Развитие федерализма, укрепление российской государственности позволили в целом стабилизировать конфликтные ситуации на территории Российской Федерации, а также содействовать процессам умиротворения в государствах – бывших республиках СССР. Этот процесс в России в настоящее время стабилизирован, то странах ближнего зарубежья сохраняется опасность перехода конфликта в острую фазу.

Литература

1. Аминов И. Р. Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. №7. С. 122–128.
2. Бреслер М. Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества – Уфа: РИЦ БашГУ 2014. – 174с.
3. Вахштейн В. С. Пересборка города: между языком и пространством //Социология власти №2. 2014. С. 9–38.
4. Дробижева Л. М. Этнические конфликты //Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // ПОЛИС, 1994. №2. С. 109.

5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Бруно Латур: Пер.с англ. Науч. ред. перевода Гавриленко С. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики 2014. 384 с.
6. Норт, Д.; Уоллис, Д.; Вайнгаст, Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества /Дуглас Норт с соавт. Пер с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 64–66.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / Сэмюэл Хантингтон; пер. с англ. – М.: АСТ, Мидгард, 1996. – 576 с.
8. Этингер Я. Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль, 1993. №3. С. 89–92.

Статья рекомендована к печати кафедрой государственного права Института права БашГУ
(канд. юрид. наук, доцент О. М. Крылов)

Theoretical substantiation of stream space of regions

I. R. Aminov

Bashkir State University

32 Zaki Validi st., 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: aminov76@mail.ru

The modern political science pays close scientific attention to ethno-political conflicts and ways of their permission and settlement. The factors caused by the material economic, political, social reasons of uneven distribution of a share of the public benefits between social groups of the region are the cornerstone of any regional conflict. Application of model of stream communication limited by a region's location as projections to virtual space, allows both carry out the deep analysis of a situation, and to operate development of the conflict-consensus situation in the region.

Keywords: stream space, stream communication, virtual space, ethno-political conflict, region.